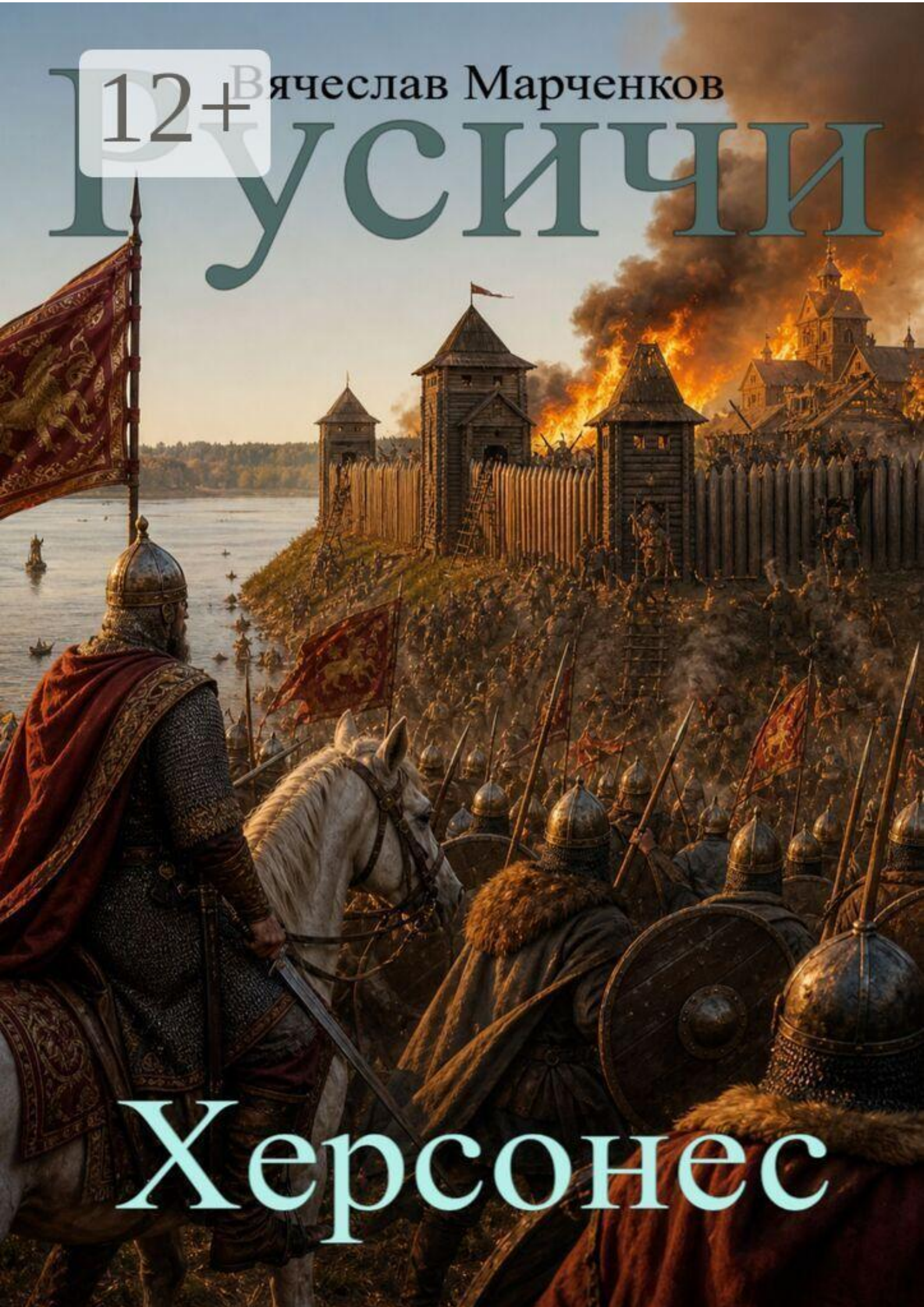

12+

Вячеслав Марченков

Русичи

Херсонес

Вячеслав Марченко

Русичи. Херсонес.
Цикл «Древний мир»

«Издательские решения»

Марченков В.

Русичи. Херсонес. Цикл «Древний мир» / В. Марченков —
«Издательские решения»,

Продолжение трилогии о древней Руси. К середине девятого века в восточнославянских землях сложились четырнадцать племенных союзов. Местные князья имели собственные дружины и народное вече. В это время на Русь участились набеги хазар, подстрекаемые императором сидевшем в Константинополе. И Русичам пришлось обратиться за помощью к Новгородскому Князю Бравлину, который, объединив разрозненные славянские племена, бросил вызов могущественной Римской империи.

© Марченков В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Русичи. Херсонес

Цикл «Древний мир»

Вячеслав Марченков

© Вячеслав Марченков, 2026

ISBN 978-5-0071-1856-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Как чаще всего бывает с древними народами, у историков существует сразу несколько версий происхождения хазар. Самая распространённая точка зрения сводится к тому, что хазары произошли от союза тюркских племён.

Вплоть до седьмого века хазары занимали подчинённое положение в кочевых империях, но после распада Тюркского каганата смогли сформировать своё государство — Хазарский каганат, который просуществовал более трёхсот лет.

Изначально территория хазар ограничивалась районами современного Дагестана к северу от Дербента, но затем она значительно расширилась, включив в себя Крым, Нижнее Поволжье, Предкавказье и Северное Причерноморье, а также степи и лесостепи Восточной Европы вплоть до Днепра. В разное время Хазарским морем называли Чёрное, Азовское и Каспийское моря.

О хазарах как об отдельной мощной военной силе летописцы упоминают в период ирано-византийской войны, в ходе которой в шестьсот двадцать седьмом году хазарское войско вместе с византийцами штурмом взяло город Тбилиси.

Эти военные успехи наряду с ослаблением Тюркского каганата и позволили создать Хазарский каганат. Мощное войско стало залогом его благополучия.

В результате многочисленных военных сражений Хазарский каганат превратился в одну из могущественных держав эпохи. Во власти хазар оказались важнейшие торговые пути Восточной Европы: Великий Волжский путь, путь «из варяг в греки», Великий шёлковый путь из Азии в Европу. За пропуск товаров хазары брали налог, что обеспечивало устойчивый доход.

Второй основной статьёй доходов Хазарского каганата являлось получение дани с племён, покорённых в ходе регулярно осуществлявшихся набегов.

Изначально основным направлением набегов хазар было Закавказье, но затем под давлением всё более усиливающегося Арабского халифата хазары стали двигаться на север, где их набеги затронули славянские племена. Целый ряд славянских племён, позднее образовавших Древнерусское государство, вынуждены были платить дань хазарам.

Однако Каганам, как называли ханов Хазарии, трудно было позавидовать из-за своеобразных традиций, существовавших у этого народа в пору язычества. Несмотря на то, что каган считался земным воплощением бога, при вступлении на трон его душили шёлковым шнурком. Доведённый до полубессознательного состояния каган должен был назвать число лет, в течение которых он будет править. По истечении данного срока кагана убивали. Произнесение слишком большого количества лет также не спасало — кагана в любом случае убивали по достижении им сорокалетия, ибо считалось, что к этому времени он начинает утрачивать свою божественную сущность.

Глава 1

Иногда взмывая высоко вверх, а затем, падая камнем вниз, степной орёл долго парил в безоблачном синем небе, выискивая своим птенцам задремавшую в степном ковыле добычу. Сегодня ему не везло. От невыносимого зноя, висевшего днями над степью, будто раскалённый колпак накрыл землю, в свои норы давно попряталось всё живое, что могло бы согдиться в пищу. Даже мыши не старались высовываться без надобности из своих убежищ, не говоря уже о зайцах и лисицах. Их норы он осматривал с высоты безрезультатно снова и снова — лишь сухая трава шелестела под ветром, да редкие перекаати-поле катились по равнине, словно призраки былой жизни.

Посмотрев в последний раз острым взглядом на опустевшие охотничьи угодья, орёл поднялся ещё выше, чтобы вернуться на землю поближе к реке, где можно было разжиться хотя бы рыбой. Но и тут его ожидало разочарование. Потому как из-за крутого поворота показалась ладья, на которой люди работали вёслами так громко, что о рыбалке можно было забыть: ритмичный скрип уключин и тяжёлые всплески вёсел разносились над водой, вспугивая даже самую бесстрашную рыбу.

Степной орёл ещё раз взмахнул крыльями в надежде переждать, но за первой показалась вторая ладья, за ней третья, потом четвёртая. Хищник поднялся ещё выше и увидел, что вся река, куда хватало его орлиного взгляда, была забита ладьями и стругами с людьми. Тёмные силуэты судов тянулись по течению длинной, неумолимой змеей, нарушая привычную тишину степи. Какое-то время он покружил над ними, будто пытаясь понять эту странную, шумную силу, но, поняв, что охоты ныне не будет, убрался восвояси, растворившись в синеве неба.

Бравлин с воеводой вятичей Святобором расположились в ладье, плывшей в середине длинного каравана. Посматривая на однообразные пейзажи степи, которые тянулись до самого горизонта, будто выжженная солнцем бесконечность, высокородные люди разговорились о многом, что беспокоило их обоих.

— Посмотри, княже, какие просторы нас окружают, — деловито произнёс вятич, поглядывая на берег, где ковыль стелился по земле, словно седые волосы древней земли.

На что новгородец, задумчиво глядя вперёд, ответил:

— Да! Русь велика! Кабы не зависть да жадность человеческая, живи, работай да пируй! Так нет! Дай всё, и много!

— И одному... Чобы кланялись в ноги! — добавил Святобор, чуть нахмурившись, и в его голосе прозвучала горечь человека, выдавшего немало распрей.

Князь, кивнув согласно головой, продолжил:

— Верно! Дабы другие не могли пользоваться этим. Оттого и раздоры. Неужто пошли бы мы войной на хазар, не трогай они нас? Когда б дали нашим купцам свободно торговать с иноземцами. Кабы определили достойную мзду за надёжную охрану от лихих людишек? Нет же, мало им этого!

— А мне думается, не они решают, кого и куда пустить, — поправил его воевода, прищурившись, будто пытаясь разглядеть за горизонтом невидимые нити власти. — За морем хозяин укрылся.

Бравлин, согласившись с ним снова, подтвердил мысли вятича:

— Ты прав! Византия ныне корень зла нашего! Хазары лишь плеть, коей ударить можно больно, а владеют ей умелые руки да голова смышлёная!

Беседа тянулась бы и дальше, сплетаясь из горьких слов и старых обид, но в это время с передних ладей эхом долетело до князя и воеводы, что в степи показались разьезды хазар. Всадники мелькали на фоне горизонта, как тёмные точки, то исчезая в складках местности, то вновь появляясь, точно зловещие предвестники.

— Это дозорные! Скоро хан узнает о нашем прибытии! — спокойно проговорил Святобор, и голос его прозвучал твёрдо, без лишней тревоги — так говорит человек, привыкший к опасности и знающий ей цену.

Князь вымолвил, не сводя взгляда с берега:

— Узнав о большом войске русичей, кочевники не решатся на открытый бой в степи. Против наших двенадцати тысяч дружинников им некого поставить.

— Значит, будут кусать рывками в пути или на биваках, — закончил его мысль вятич, и в этих простых словах прозвучала вся тяжесть предстоящего похода.

Бравлин, не отрицая сказанного, негромко выговорил, будто взвешивая каждое слово:

— Одно понятно: не ждали они нашего похода. Этим и воспользуемся! Ниже по течению есть множество островов, которые могут быть нам полезными. Там можно будет устроить тайные стоянки, спрятать часть сил, заманить дозорных в ловушку...

Святобор чуть склонил голову, обдумывая сказанное, и тихо произнёс:

— Хитрость порой бьёт сильнее меча. Пусть думают, что мы идём напролом, а сами ударим там, где не ждут.

И ладья продолжала плыть вперёд, рассекая воду, а вокруг неё, словно живое море, тянулся бесконечный караван судов, несущий в себе не только силу, но и надежду, и страх, и неизбежность грядущей битвы.

Глава 2

Новгородский князь оказался прав: хазарский хан Зуяч не ждал русичей, надеясь на византийские посулы и тонкую игру далёкого императора. В это самое время в центре Херсонесского детинца, за толстыми стенами, помнившими ещё осады и триумфы прежних веков, в добротном доме, сложенном ещё при безносом Юстиниане, хан принимал послов императора. Дом этот стоял на возвышении, и сквозь узкие, словно щели, окна в него проникали косые лучи солнца, ложась золотыми полосами на каменные плиты пола.

В просторном приёмном зале, где воздух был густ от запаха благовоний и старого дерева, на персидском дорогом ковре, расшитом золотыми нитками так густо, что ткань казалась почти металлической, сидел Зуяч. Поза его была расслабленной, но в каждом движении сквозила насторожённость степного хищника, привыкшего к внезапным ударам судьбы. Перед ним, чуть склонив головы, стояли византийские послы, и среди них — Лактаний, чей голос звучал сладко, точно мёд, но оставлял на языке горький привкус обмана.

— Ныне Русь в упадке! — льстиво плёл паутину речи заморский посланец Византийского императора, слегка разводя руками, будто показывая, как легко рассыпается великая земля. — Междоусобица разорит их владения, надо лишь помочь этому извне. К тому же набеги на русичей приносят вам доходы. Почему же не воспользоваться этим?

Слова его падали в тишину зала, как камешки в спокойный пруд, вызывая едва заметные круги напряжения. Хан, сощуриив хитро глаза, долго молчал, будто взвешивая каждое слово, а потом вымолвил в ответ, не повышая голоса, но так, что в нём прозвучала сталь:

— Что же император молчит? Кроме золота, у Византии большая армия. Отчего не воспользоваться ей? Хазары не сателлиты, а союзники императора. Мы прислушиваемся к советам, но слепо не следуем им.

Зуяч помедлил, подбирая слова, и продолжил, чуть наклонившись вперёд, так что тень от его тяжёлого головного убора легла на край ковра:

— Кто говорил мне о том, что Новоград не станет помогать Чернигову? Но мои глаза видят всё, а уши слышат даже шорох в норе полёвки. Не ваше золото, не щедрые обещания продажным купцам не остановили Бравлина на пути в Чернигов. Почему же сейчас я должен верить?

Лактаний едва заметно стиснул пальцы, но тут же снова надел на лицо маску спокойной уверенности. Он смело ответил византийскому посланнику кочевнику, глядя прямо в глаза, будто проверяя, дрогнет ли взгляд хана:

— Потому что император оставил вам контроль над торговыми путями из варягов.

Он сделал паузу, давая словам осесть в воздухе, и добавил, при этом чуть склонив голову, словно напоминая о старых долгах:

— Не ты ли, великий хан, умолял его о мире на вечные времена? Не ты ли согласился на все его условия взамен власти над степью приморья?

Лактаний помедлил и продолжил, теперь уже тише, но от этого его слова звучали ещё весомее:

— Армия моего императора велика, но для чего тогда союзники? На основании договора вы должны следить за Русью. А вместо этого я мотаюсь по её дремучим лесам, сея в ней раздор для общего нашего блага.

Посланник сделал паузу для важности сказанного им и закончил, чуть приподняв подбородок:

— Надеюсь, великий хан прислушается к моим словам.

В просторном зале повисла гнетущая тишина. Она была такой плотной, что казалось, её можно потрогать руками. Даже пламя в бронзовой жаровне будто замерло, не решаясь потрес-

кивать. Эту тишину нарушил сам хазарский хан, медленно подняв голову и глядя на послов так, словно видел сквозь них, в самую суть их замыслов.

— Друзья познаются в трудностях, — заключил Зуяч, и в его голосе прозвучала не угроза, а холодная констатация факта. — Нет ничего справедливее, чем указать на оплошность благих решений друга.

И в этот момент по приёмному залу от входа, почти бесшумно, просеменил один из его приближённых — низкорослый, юркий, с глазами, вечно бегающими по сторонам. Он приблизился к хану, склонился так низко, что почти коснулся лбом ковра, и что-то быстро, шёпотом, произнёс на ухо владыке. Слова его были тихими, но лицо хана мгновенно изменилось: из спокойного и расчётливого оно стало жёстким, словно высеченным из камня. Приближённый тут же отступил назад и исчез за тяжёлой занавесью, будто его и не было вовсе.

Владыка Херсонеса медленно поднял тяжёлый взгляд на посланников Византии, и в этом взгляде не осталось ни капли прежней расслабленности. Теперь в нём читалась холодная ярость человека, которого застали врасплох.

— Вот к чему приводит пустая болтовня о слабости Руси, — грозно проговорил Зуяч, и голос его, низкий и раскатистый, разнёсся по залу, заставляя даже самых хладнокровных вздрогнуть. — Новгородский князь Бравлин с большим войском на пути к Херсонесу! И если вы так уверены в их упадке, скажите, как собираетесь помочь мне встретить эту силу?

Послы переглянулись, и в их взглядах мелькнуло то, чего они так старательно пытались не показывать, — растерянность. А хан, откинувшись на подушки, скрестил руки на груди и смотрел на них так, будто уже видел, как рушатся их планы.

Глава 3

Оставшись наедине, хазарский хан долго обдумывал события, заставшие его врасплох, словно буря в степи — одинокого путника, не успевшего найти укрытие. Он ходил по залу тяжёлыми шагами, и каждый его шаг отдавался глухим эхом в опустевших покоях. Мысли роились в голове Зуяча, сплетаясь в тугой узел тревоги и гнева: византийские посулы оказались пустым звоном, а реальность ударила резко и больно. Русь не рассыпалась в междоусобицах, как обещали послы, — она собралась в тугой кулак, и этот кулак уже мчался по водам Днепра, грозя разнести в щепки все расчёты хана.

— Тархан! — громко позвал он, и голос его, тяжёлый и властный, будто расколол тишину.

В пустом зале тотчас возник силуэт коренастого военачальника — словно из самой тени выступил. Тархан был невысок, но широк в плечах, и в каждом его движении чувствовалась сила, выкованная в десятках битв. Он согнул спину в поклоне, низко, но без раболепия — так кланяется верный воин, знающий цену и себе, и своему владыке. Ожидая распоряжений от хана, он стоял неподвижно, лишь пальцы слегка сжимались и разжимались, будто ему уже не терпелось взяться за рукоять сабли.

Хан медленно проговорил, взвешивая каждое слово, словно бросая камни в тёмную воду:

— Срочно пошли людей к хану Езекию на Донскую поволоку. Без его помощи нам не справиться с русичами.

— Они в пути! — не поднимая головы, вкрадчиво ответил Тархан. Голос его звучал спокойно, но в нём угадывалась скрытая напряжённость человека, который уже сделал всё, что мог, и теперь ждёт лишь знака, чтобы броситься в бой.

На что Зуяч вымолвил, чуть смягчив суровость в голосе:

— Ты мне дороже тысячи нукеров, мой преданный Тархан. Грядут страшные события. Нужно хорошо подготовиться к ним. Будем бить войско Бравлина на Днепре. Вынудим его сойти на берег в степи, где они подохнут от жажды и голода. А если выживут, к тому времени придут нукеры Езекия.

Тархан чуть приподнял голову, но не настолько, чтобы встретиться взглядом с ханом, — лишь чтобы лучше слышать.

— Я понял тебя, мой хан! Хазары готовы к битве и ждут твоих распоряжений у ворот Херсонеса.

Доложив это, он, наконец, разогнул спину и добавил, и в этих словах прозвучала не просто информация, а предупреждение, горькое и неизбежное:

— Нужно действовать незамедлительно. У нас слишком мало времени. Византийские консулы, чуя недобрые вести, покидают твой город, мой хан! Они уезжают тихо, будто воры, спешащие скрыться до рассвета.

Зуяч стиснул зубы. Мысль о том, что византийцы бегут, бросив его одного разбираться с надвигающейся бурей, жгла сильнее любого оскорбления. Но хан не позволил гневу затуманить разум. Он кивнул, принимая реальность такой, какая она есть.

Солнце тем временем вкрадчиво поднималось из степных оврагов, словно предвестник печальных событий, бросая свои лучи на остывшую за ночь землю. Багряный свет медленно заливал степь, выхватывая из сумрака то сухую траву, то острые камни, то тёмные провалы оврагов. И вместе с ним, из ложбин, поросших мелким кустарником, показались первые всадники хазаров. Они двигались плавно, почти бесшумно, сливаясь с рельефом степи, и направлялись к широким водным гладям Днепра, на берегах которого расположилась дружина русичей.

Выскочив на возвышенность, Зуяч увидел лагерь противника и с удовлетворением заметил своему полководцу:

— Не так уж они и многочисленны, как описывали их наши дозорные.

Тархан усмехнулся замечанию хана — усмешка была короткой, жёсткой, без веселья.

— Страх затмил глаза наших дозорных! Здесь не наберётся и пяти тысяч воинов.

— Мы имеем в своих рядах столько же! — вдохновлённо заявил хазарский хан, и в его голосе прозвучала надежда, которую он сам пытался укрепить. Он указал плетью в сторону русичей, и жест этот был резким, почти яростным:

— Они спят, думая, что мы испугались. На нашей стороне внезапность. Начинай, мой славный Тархан!

Воевода, услышав команду хана, встал во весь рост в стременах, выпрямившись так, будто хотел стать выше самой степи. Подняв вверх руку, он громко прокричал, и голос его разнёсся над равниной, перекрывая даже ржание коней и скрип кожаной сбруи:

— Вперёд!

По его команде из низины выскочила первая тысяча всадников. Их кони летели по степи, взбивая копытами сухую землю, и воздух наполнился густым облаком пыли, которое тянулось за ними, словно дым от пожара.

— Айять! Айять! — эхом зазвучал боевой клич хазар, многократно усиленный эхом между холмов.

И вторая тысяча, а за ней и третья, вылетели из своих укрытий, направляя коней в сторону лагеря неприятеля. Всадники неслись вперёд, и казалось, что сама степь дрожит под их натиском.

Но они ошиблись. Новгородцы не спали. В тот же миг по биваку княжеского войска стремглав пронеслось:

— Во славу Руси обнажим мечи, русичи!

Голос глашатая прокатился по лагерю, и в считанные мгновения сонную тишину разорвал лязг металла, топот ног и резкие команды десятников. И перед летящими на смерть хазарами, словно из-под земли, возникла стена воинов с копьями наперевес. Длинные древки копий смотрели вперёд, образуя непроходимую преграду, о которую и напоролись хазарские всадники. Первые ряды кочевников врезались в эту стену, и кони, не в силах остановиться, падали, увлекая за собой всадников в хаос криков, ржания и скрежета железа.

Не менее часа продолжалась ожесточённая схватка. Степь наполнилась звоном клинков, хриплыми криками, ржанием раненых лошадей и тяжёлым дыханием сражающихся. Силы были равны, и ни одна сторона не могла взять верх. Хан, заметив это с возвышенности, стиснул рукоять плети до побеления костяшек пальцев. Он видел, как его воины бьются отчаянно, но натиск русичей не ослабевал — каждый павший дружинник тут же заменялся новым, и стена щитов оставалась нерушимой.

Наконец, Зуяч приказал своему воеводе ввести в бой резервы, до поры ожидавшие приказа владыки в низине. Тяжёлая конница, доселе скрытая в складках местности, рванулась вперёд — могучие кони несли на себе воинов в кольчугах, и этот новый удар должен был переломить ход битвы. Резервы врезались в ряды русичей, тесня их к реке, и на какое-то мгновение показалось, что победа близка: строй новгородцев дрогнул, и отдельные группы воинов начали отступать, шаг за шагом приближаясь к воде.

Но именно в этот момент, когда хазары уже предвкушали триумф, с Днепровских островов показались ладьи, наполненные свежими силами русичей. Они выплывали из-за островов одна за другой, словно стальные щуки, и с каждой ладьи на берег спрыгивали воины, свежие, полные сил, с горящими глазами и поднятыми мечами. Их было так много, что Зуяч, наблюдавший за битвой со стороны, почувствовал, как внутри у него всё холодеет.

Он смотрел, как эти новые отряды вливаются в битву, закрывая бреши в строю, усиливая натиск и отбрасывая хазар назад. Хан понял, что попал в ловушку: Бравлин специально подпустил их ближе, позволил ударить, чтобы затем обрушить на них свежие силы.

— Мы проиграли! — разочарованно выговорил Зуяч, и в его голосе не было ни крика, ни ярости — лишь горькое осознание поражения. — Этот лис оказался хитрее, чем я думал!

Степь всё так же лежала перед ним, бескрайняя и равнодушная, но теперь она казалась не просто пространством — она стала свидетельницей его ошибки, и этот молчаливый свидетель был беспощаднее любых слов.

Глава 4

Не дав опомниться врагу, русичи зажали хазаров во главе с их ханом в Херсонесском детинце, куда тот отступил с остатками своего войска. Стены детинца были высоки и прочны, сложены из толстых дубовых брёвен, уложенных в несколько рядов и скреплённых железными скобами; поверх частокола тянулись островерхие зубцы, а между ними темнели узкие бойницы, из которых в любой миг могла вылететь смертоносная стрела. Но, несмотря на грозный вид укреплений, положение Зуяча было отчаянным: он оказался в ловушке, и каждый час промедления лишь укорачивал его шансы на спасение.

Русичи не торопились со штурмом, зная, что неприятель заперт в нём наглухо. Они обложили городище плотным кольцом, перекрыв все тропы и броды, так что даже юркий заяц не смог бы проскользнуть мимо дозорных. Но и откладывать взятие детинца было нельзя: из допроса пленного князь Бравлин узнал, что хан рассчитывает на помощь своих соплеменников — на подходе были свежие силы, и если они успеют соединиться с гарнизоном, то чаша весов может склониться в пользу хазар.

— Мы должны взять Херсонес раньше, чем к ним придёт помощь! — твёрдо произнёс Бравлин, расхаживая по шатру широкими шагами. Полы его плаща чуть шелестели, а в глазах читалась холодная решимость человека, который не привык отступать. — Иначе окажемся в худшем положении, чем сейчас находится хан Зуяч.

Князь не стал останавливаться в глиняных домиках, разбросанных в большом количестве перед высоким частоколом детинца. Ему там было тесно и неудобно: низкие потолки давили, а узкие оконца едва пропускали свет, словно сами стены шептали о грядущей беде. Бравлину нужен был простор, чтобы мысли текли свободно, как река в половодье, поэтому он разбил свой шатёр на небольшом возвышении, откуда открывался вид и на стены детинца, и на гладь Днепра, и на степь, терявшуюся где-то за горизонтом.

Многие из его свиты остановили свой выбор на домиках — им хотелось хоть ненадолго укрыться от ветра и пыли, вдохнуть запах тёплого хлеба и почувствовать себя не воинами, а простыми людьми. Но князь оставался среди своих дружинников, в самом сердце лагеря, рядом с теми, кто делил с ним все тяготы похода.

Совет проходил в полумраке шатра, освещённого лишь тусклым светом масляной лампы, отбрасывавшей причудливые тени на полотнища стен. Вокруг дубового стола, сколоченного на скорую руку из грубых досок, собрались ближайшие соратники Бравлина: Святобор, воевода вятичей, с лицом, изрезанным шрамами и морщинами, словно карта дальних земель; Велимир, молодой, но уже прославленный десятник, в глазах которого горел огонь жажды битвы; и ещё несколько опытных военачальников, чьи голоса звучали негромко, но весомо.

— Давайте в темноте обойдём городище и ударим, где нас не ждут! — предложил Святобор, наклонившись вперёд и уперев тяжёлые ладони в стол. Его голос звучал ровно, без лишней горячности, но в нём чувствовалась уверенность человека, не раз водившего дружину в ночные вылазки.

Велимир поддержал его, чуть усмехнувшись уголком рта:

— Правильно! Для порядка надо будет пошуметь малость. Пусть думают, что главный удар пойдёт с востока, а сами тихо подберёмся с запада.

Князь некоторое время раздумывал, взвешивая все «за» и «против». Он знал, что любая ошибка может стоить сотен жизней, а победа, добытая ценой неоправданных потерь, будет горькой. Наконец, он вымолвил, глядя прямо в глаза своим соратникам:

— Хорошо! Сегодня ночью мы сделаем вылазку. А ты, вятич, бери своих людей, сажай в ладьи и обходи Херсонес по воде — так будет скрытнее. Не торопись со штурмом, береги людей. Пусть они увязнут в бою с нами, тогда и ломай ворота.

Слова князя прозвучали как приговор, и в шатре воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием лампы да далёким криком ночной птицы. Каждый из присутствующих понимал: решение принято, и теперь оставалось лишь исполнить его с честью.

Как решили, так и сделали. Лишь только ночь опустилась на степь, реку и городище, укутав всё вокруг плотным покрывалом темноты, вятичи погрузились в ладьи. Они двигались почти бесшумно, стараясь не тревожить воду лишними всплесками. Вёсла опускались в реку мягко, словно крылья ночных птиц, и лишь изредка металл тихо звякал о дерево, напоминая о том, что это не сон, а суровая реальность.

В это время Велимир поднял своих дружинников в атаку. По его сигналу тысячи зажжённых стрел полетели через укрепленные стены детинца, оставляя в небе огненные дуги. Они падали на крыши домов, на деревянные настилы, на стога сена, и вскоре в городище запылали пожары. Пламя взмывало вверх, жадно пожирая сухое дерево, и отсветы его плясали на лицах защитников, делая их похожими на демонов из древних сказаний.

Но хазары не дрогнули. Став у частокола, они приготовились к отражению натиска неприятеля, выставив вперёд копья и прикрывшись щитами. Их крики сливались с рёвом огня, и казалось, что сам детинец превратился в пылающего зверя, готового сражаться до последнего вздоха.

Однако русичи не торопились ломать ворота и лезть на островерхие зубцы деревянных стен. Они действовали хитро и расчётливо: накатывая волна за волной, они методично опустошали колчаны, висевшие у них за спинами, осыпая врага стрелами, а затем, когда те кончались, отходили на исходные рубежи, чтобы перегруппироваться и снова броситься в атаку. Такая тактика вскоре дала о себе знать: потери хазар увеличивались с каждым часом, а штурм всё не было. Защитники метались от одного участка стены к другому, пытаясь угадать, где же русичи нанесут решающий удар, и эта неопределённость изматывала их сильнее любого боя.

Дабы восполнить поредевшие ряды оборонявшихся с восточной стороны детинца, хан вынужденно перебросил большую часть воинов с западной линии обороны. Он надеялся, что именно там, под прикрытием пожаров и дыма, русичи попытаются прорваться, и хотел встретить их всей своей мощью. Но он ошибся.

Как только на востоке стало подниматься солнце, окрашивая небо в алые и золотые тона, русичи внезапно обрушились на беззащитные стены городища с обратной его стороны. Там, где всего несколько часов назад стояли лишь немногие дозорные, теперь раздался грохот ломаемых ворот, лязг металла и яростные крики нападавших.

Выломав ворота, русичи ворвались в непокорный Херсонес. Тотчас его охватила паника: люди метались по узким улочкам, сталкиваясь друг с другом, крича и зовя на помощь, но помощь не приходила. Охваченный ужасом город бесславно пал под натиском русичей, которые теперь охотились в детинце на хазар, словно свирепый хищник на беззащитного ягнёнка.

Бравлин вошёл в детинец одним из последних, спокойно и неторопливо, будто не замечая царившего вокруг хаоса. Он смотрел на всё это без злорадства и без жалости — лишь с холодным удовлетворением полководца, который сумел переиграть врага. И в этот момент он знал: эта победа — лишь начало, и впереди их ждёт ещё немало испытаний.

Глава 5

Бравлин, не спеша объехав покорённый Херсонес, вёл чёрного жеребца размеренным шагом, будто давая городу — и себе — время осознать свершившееся. Пыль, поднятая тысячами копыт и сапог, ещё висела в воздухе, оседая на камнях, на щитах дружинников, на тяжёлых плащах воевод. Солнце клонилось к закату, окрашивая стены в ржаво-красный цвет, и в этом свете даже руины казались исполненными мрачного величия.

Остановив коня у дома хана, князь повернул голову к ехавшему следом Святобору и, глядя прямо перед собой, вымолвил с ледяной отчётливостью:

— Притащите сюда это ничтожество, именуемое ранее владыкой.

— Оно у ног вашего коня! — отозвался воевода без эмоций в голосе, лишь чуть дёрнув уголком рта. Он махнул рукой своим воинам, и те, схватив связанного по рукам и ногам хана, подтащили его и небрежно бросили у ног чёрного жеребца русича.

Зуяч упал, но тут же попытался приподняться, опираясь на плечо, и в этом движении ещё сквозила прежняя надменность — будто он не пленник, а хозяин положения, снизошедший до временной неловкости. Бравлин сверху вниз посмотрел на него, и в его взгляде не было ни злорадства, ни торжества — только тяжёлое, выстраданное презрение.

— Это тело диктовало нам некогда условия? — произнёс князь тихо, но так, что слова прозвучали громче крика. — Заприте его в клетку и отправьте в Чернигов. Пусть потешатся люди над всемогущим ханом, смеявшимся над силой Руси! Пусть помнят недруги, что русичи накажут каждого, кто посмел усомниться в её величии!

Дружинники, исполняя приказание Бравлина, вновь подхватили хазара под руки и потащили прочь. Зуяч не сопротивлялся, но и не склонял головы; он лишь смотрел по сторонам, будто запоминая каждый камень, каждую тень, словно собирался однажды вернуться и всё переиграть.

В это время из подвалов ханского дома, едва не сбив с ног двух ратников у входа, выскочил Милован. Лицо его было блее мела, глаза расширены так, что казались чёрными провалами. Он замахал руками, будто отгоняя кошмар, и громко прокричал, срываясь на хрип:

— Князь! Воеводы! Посмотрите там, что эти нелюди сделали!

Военачальники, заинтригованные и встревоженные словами тысячника, соскочили с коней и бросились следом за Милованом. Проскочив мимо складских помещений, заваленных в изобилии бочками с вином, рыбой, мясом, мукой и прочими продуктами, они на мгновение ощутили нелепый контраст: здесь, среди изобилия, пахло сытостью и покоем, а дальше, за тяжёлой железной дверью, таилось нечто, от чего стыла кровь.

Они остановились у помещения с железной клеткой, в которой цепями к деревянным стенам были прикованы женщины, мужчины и дети. Пленники висели или сидели, прижавшись к доскам, будто пытались слиться с ними, стать невидимыми. Многие из них были обессилены настолько, что не могли не то что двигаться, а даже выдавить из себя членораздельные звуки — лишь изредка кто-то вздыхал или тихо стонал, и этот звук был страшнее любого крика.

Видимо, все они были взяты в плен давно: одежда превратилась в лохмотья, кожа обтянула кости, а в глазах застыло то пустое, отрешённое выражение, какое бывает у людей, давно переставших надеяться.

Увидев это, князь словно переломился изнутри: лицо его исказилось, он схватил железный прут, валявшийся на полу, и бросился ломать замки на клетях. Металл звенел, скрежетал, поддавался неохотно, будто сам сопротивлялся освобождению.

Велимир и Святобор, ухватившись за дверь, рванули её с такой силой, что та, согнувшись, закрипела и подалась наружу, соскочив со ржавых петель. В сырой воздух вырвался тяжёлый запах горя, страха и отчаяния — запах, который невозможно забыть.

— Им нужен свежий воздух! — скомандовал Бравлин, и голос его звучал теперь не как приказ князя, а как мольба человека, увидевшего слишком много зла.

Схватив лежавшую на сыром полу девушку на руки, он понёс её вон из душного подвала. Она была лёгкой, почти невесомой, и от этого становилось ещё страшнее — словно жизнь уже почти покинула её, и только тепло княжеских рук удерживало её на этом свете.

То же сделали и воеводы с тысячником: каждый подхватил кого-то из пленников — старика, ребёнка, женщину, чьи глаза ещё хранили отблеск разума. Они выносили их на свет, осторожно, будто боялись сломать, и укладывали на траву, прикрывая плащами, чтобы уберечь от вечернего холода и от чужих взглядов, которые могли ранить не хуже меча.

Увидев своего князя и военачальников с пленниками на руках, дружинники, ожидавшие их у дома, поняли без слов, что от них требуется. Побросав коней, они ринулись в погреб на помощь оставшимся там страдальцам. Их шаги грохотали по каменным ступеням, голоса сливались в единый гул, и этот гул был не криком ярости, а рёвом сострадания — таким, какой рождается, когда боль одного становится болью всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.